

Ураган / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 22 января, 2025

Ураган / рассказ УРАГАН

Жеребята еще неуверенно держали головы, но уже всю резвились на пастбище среди холмов Аркача. Равнодушные к душистым полевым травам, проголодавшись, они, причмокивая, сосали материнское вымя. Яловые кобылы шипали траву без аппетита. Они неотрывно следили за жеребятами. Временами подходили к приглянувшемуся жеребенку и, пытаясь приучить его к себе, принимались вылизывать в самых укромных местах. Когда их жеребят вылизывали чужие, матки ревновали. Они напирали на яловых, чтобы отогнать их, и порою между ними разыгрывались настоящие сражения. А жеребята, словно они ни при чем, снова убегали резвиться.

Но это приволье продолжалось не долго. Однажды на пастбище прибыли пять человек и, тщательно осмотрев каждого жеребенка, разделили поголовье. За жеребятами, которых отобрали для скаковой конюшни, стали ухаживать особенно заботливо. Остальных же отправили в рабочее отделение, в загон, что был с другой стороны двора, и, похоже, совсем о них забыли. Когда счастливчикам из скаковой конюшни привозили сено, вечно голодные бедолаги оживали в надежде, что и им перепадет клочок душистой травы. Тянулись мордочками сквозь прутья изгороди. Но на их жадные взоры не обращали внимания.

Сено в полдень привозил на телеге Селим-ага. Это был немолодой, вечно чем-то озабоченный человек, и никто не помнил, чтобы на его смуглом плоском лице, похожем больше на ладонь, чем на лицо, хоть раз появилась улыбка. Сено с телеги он скидывал с каким-то яростным остервенением, и даже игры жеребят, могли вывести его из себя.

Иногда вместе с ним был тихий бритоголовый мальчик, которого звали Вели. Вцепившись в прутья изгороди, окружавшей загон, он зачарованно смотрел, как жеребята лакомятся клевером, воображал себя жокеем и терзался, не зная кому из обитателей

конюшни отдать предпочтение.

Соловый с золотистым отливом жеребенок был резвей прочих. Его распирала энергия. Он и в загоне не стоял спокойно, все брыкался, а уж когда выпускали на поле ничто не могло удержать его на месте. Он легко отрывался от табуна и уходил далеко вперед. Если же бежал наперегонки со своими пагодками, то без труда оставлял их сзади. Озорной жеребенок стал любимцем Вели. Его тонкие стройные ноги, поначалу казавшиеся чересчур длинными, и высокий лоб с отметиной постепенно сделались предметом тайной гордости мальчика. Часами он мог наблюдать за своим кумиром, и при этом тихая счастливая улыбка озаряла его лицо. А вот Селим-ага то и дело ругал озорного жеребенка. Правда, тот даже внимания на эту брань не обращал. И это Вели считал единственным недостатком своего любимца. Сам он ни за что бы не осмелился шалить после того, как дедушка сделает замечание. Но ему было невдомек, что раздражает деда. Разве конь не для того создан, чтобы скакать быстрее ветра? Ведь это так здорово! Временами Вели хотелось самому стать таким же резвым и непокорным, как соловый жеребенок.

В год заранее отобранных для скачек молодых лошадей начинают готовить к скаковым испытаниям. Как завидывал Вели, стригункам, у которых так быстро кончилось беззаботное детство. За двенадцать месяцев нескладные жеребята превратились в красивых молодых коней, а он подрост всего на несколько сантиметров. Ему тоже хотелось побыстрее вырасти, и, оседлав самого сильного скакуна, под восторженные крики зрителей промчатся по дорожке ипподрома.

Новые жеребята сменили в загоне его друзей. Вели понимал, что и эти вырастут и покинут его, и это наполняло грустью его глаза. Он знал, что еще не одно поколение лошадей пройдет через конюшню, пока он станет взрослым. Но не все было так уж мрачно. Солового, его любимца, оставили при ипподроме, чтобы он вместе с Селимом-ага возил сено. Когда Вели узнал об этом, он обрадовался так, точно выиграл целую гору альчиков.

Соловый поначалу бунтовал против унижительной повинности ходить в хомуте, запряженным в телегу, но Селим-ага за неделю сбил с него гонор, и Ураган – такую жеребец получил кличку –

сделался шелковым: потянешь вожжу – он идет, как миленький, куда приказано. Селим-ага на рассвете запрягал его в телегу и отправлялся в колхоз, нагружал там целый стог клевера, сажал на верх внука, и они отправлялись в обратный путь. К ипподрому, к родной конюшне Ураган шел легко, словно без поклажи.

Вели нравились эти поездки. Как прекрасно быть на высоте и созерцать мир с вершины горы, пусть гора эта всего лишь из клевера, нагруженного на телегу! Как потом не хочется спускаться вниз! Иногда Вели брался за вожжи, но Ураган, почувствовав детскую руку, начинал фыркать и мотать головой. Он так и не смирился с необходимостью тащить воз, и при любой возможности убегал в поле, грохоча пустой телегой. После этого Урагану здорово досталось! Рука у Селима-ага была крепкой и ругался он грозно. А когда удила рвут тебе пасть, поневоле подчинишься – жизнь все-таки дороже. Но больше всего на свете Ураган мечтал о степном просторе и вольной скачке. И многие обиды прощал он хозяину за то, что изредка тот отпускал его с Вели в степь. «Мужчина должен с детства сидеть в седле, – говорил Селим-ага, напутствуя внука. – Вот и учись! А заодно у этой скотины прыти, может, чуть поубавится!».

Поначалу Ураган, словно не веря, что обрел свободу, шел шагом, медленно набирая темп. Вели нетерпеливо прищпоривал коня, ударяя в бока босыми пятками. И Ураган устремлялся вперед. Он летел над степью, одетой в нежно-зеленый весенний наряд. Нет ни ветерка, но когда ты в седле, ветер свистит в ушах и рвет с тебя рубаху. Вели от страха упасть сидит зажмурившись и крепко вцепившись в луку седла. Ураган чувствует, что испытывает сейчас его наездник. Мальчику нечего беспокоиться, Ураган не доставит ему хлопот.

Сделав широкой полукруг, Ураган поворачивает к селу. Вот и конюшня показалась. А в воротах стоит Селим-ага. Вели и опомниться не успел, как Ураган доставил его к деду. Конь, опьяненный свободным бегом, шумно дышит, роет копытом землю, с боков его падают хлопья пены. Он рвется в скачку, но Селим-ага велит внуку выгулять Урагана, чтобы у того восстановилось дыхание. После прогулки шерсть у коня начинает лосниться и еще

ярче отливать золотом.

Сколько бы ни проскакал Ураган, ему все мало. Однажды, вырвав из рук Вели повод, он ускакал в степь, но когда начало смеркаться вернулся в конюшню. Селим-ага крепко привязал его к коновязи и наказал плетью. «Не понимаешь добра! – приговаривал он. – Убить тебя мало!».

Еще Селим-ага наказывал Урагана за то, что тот при любой возможности старается полакомиться душистым клевером, что предназначен для скаковых лошадей. Уличив Урагана в воровстве, Селим-ага бьет его плетью по морде. Иногда он этим не удовлетворяется и наказывает его голодом. Два дня не дает ни сена, ни зерна. Бросит в ясли клочок соломы и скажет, ухмыльнувшись: «Ничего, пустому брюху и черствая лепешка слаще меда покажется. В другой раз не будешь жрать чужого!».

Так прошло четыре года.

Ураган был теперь уже совсем не тот, что прежде. Бока его запали, шерсть потускнела и прыти в нем поубавилось. Убедившись, что своеволие ничем хорошим не кончается, Ураган послушно брел туда, куда направлял его возница. И аппетит у него стал плохим.

Несколько раз он болел, но Селим-ага, похоже, даже не заметил этого. Напротив, во время болезни он особенно ожесточался, больно хлестал Урагана плетью по бокам. Когда Ураган постепенно оправился, к нему вновь вернулось желание насладиться скачкой. Он с завистью посматривал на своих одногодков, когда те, мелко стуча копытами, проносились мимо него по дорожке ипподрома. Ураган ржал и пытался освободиться от упряжки, но кожаные ремни крепко держали его.

Те кони были настоящими конями, не ему чета, и Ураган не раз замечал, с каким восхищением смотрит им вслед Вели. Да и он сам, стоя в дальнем углу конюшни, только и мечтал о том, как полакомиться душистым сеном, которым потчуют чемпионов.

Когда жокеи проводили своих скакунов мимо Урагана, те злобно косились на него и угрожающе ржали. Но Ураган их нисколько не боялся. Напротив, он начинал вырываться, готовый скакать вместе с красавцами из скаковой конюшни. Но Селим-ага впрягал его в телегу.

Однажды старик замешкался, и Ураган вырвал из его руки недоуздок. С места он взял в карьер, но поскакал не по кругу ипподрома, а к горам. Конь скрылся из виду так быстро, что Селим-ага и опомниться не успел. Сначала он не встревожился, полагая, что Ураган, как обычно, вернется к вечеру. Но соловый не вернулся, и всю ночь старик провел без сна, а утром пошел повиниться начальству. Послали двух наездников и к полудню те вернулись с Ураганом. Кони под жокеями были все в мыле.

– Ну, Селим-ага, твой Ураган и в самом деле ураган, – сказал наездник Ялкаб, один из тех, кого посылали на поиски беглеца. – На прямой не могли за ним угнаться, – признался он, передавая Селиму-аге повод.

На другой день Ялкаб пришел снова.

– Не отдашь ли, Селим-ага, мне своего Урагана. Рискну.

– Только спасибо тебе скажу, Ялкаб-джан, если избавишь меня от этого разбойника. Я человек старый, мне нужна лошадь тихая, спокойная. А этот, словно бешеный, не стоит на месте, все рвется куда-то.

Ялкаб не стал медлить, оседлал Урагана и верхом отправился к Полату Пудаковичу. Тот выслушал Ялкаба не перебивая, но, когда жокей выложил все свои аргументы, отрезал:

– Нельзя! – Этому ему показалось мало, и он замотал головой из стороны в сторону, но при этом окинул Урагана быстрым цепким взглядом. – Кто за коней отвечает? Все это хозяйство на мне, – Полат Пудакович широким взмахом руки отметил размеры своих владений. – А ты, Ялкаб, еще один хомут для меня приготовил. И не думай даже. Где ты раньше был? Ты разве в комиссию неходишь? Был в составе комиссии?

– Был.

– Акт о выбраковке подписал.

– Подписал.

– Вот и не морочь мне теперь голову.

– Полат Пудакович, – взмолился Ялкаб, – тогда он брыкался много, вот мы и решили, что он чересчур нервный. Кто не ошибается?... Вы взгляните, какой это конь. Спина широкая, глаза светятся. Ребра длинные. С обеих сторон – поровну. Грудная клетка, смотрите, какая просторная...

– Яйца курицу не учат. Сам вижу.

– Полат Пудакович, а вы бы взглянули, как он скачет. Мне и секундомер не нужен. Когда мы за ним гнались, он километр, наверное, за минуту ноль шесть прошел. А если его потренировать?... Всю ответственность беру на себя!

– Поздно, – сказал Полат Пудакович, но уже без прежней категоричности в голосе. – Ухода хорошего он не знал, болел – это раз. Во-вторых, старый уже для скачек. В-третьих, и это самое главное, мы сами его забраковали. Если теперь скажем, что ошиблись, нас, сам понимаешь, по головке не погладят. А в-четвертых...

– Полат Пудакович, рискнем! Я его выхожу, через месяц не узнаете. Расходы на него небольшие. Год-другой еще поскачет, и, думаю, большого успеха достичь с ним можем.

Полат Пудакович не ответил, он изучал Урагана. Сначала осматривал издали, потом подошел поближе и, видимо не доверяя собственным глазам, пядь за пядью ощупал шею, грудь, бабки.

– Ну, смотри, – сказал он наконец, продолжая разглядывать Урагана. – Если будут искать виноватого, я свою голову под палку подставляю не стану, первым на тебя укажу.

– Согласен, Полат Пудакович. Не придется вам удар принимать.

– Только без комиссии все равно не обойтись. Не хочу зря рисковать. Пусть все будет оформлено, как положено. А, главное, коллегиально решение принято. Если что, пусть комиссия отвечает.

– Да никому не придется отвечать!..

Через неделю собралась комиссия.

– Поздно привлекать коня к скачкам, – заявил ветеринар. – Желудок у лошади не десяти отделений, а всего одного, а Урагана кормили чем ни попадя. Испортили желудок... А еще эмфизема легких... – И он, нацепив очки, бубнящим голосом стал читать заранее заготовленную справку.

– Вас послушать, так, вообще, ни одной здоровой лошади нет, – вспылил Ялкаб. – Если обеспечим хороший уход – все хвори, как рукой снимет.

– В общем так: Ураган, я уверен, может стать гордостью нашей конюшни, если, конечно, все приложат для этого соответствующие

усилия, – подвел итог коллегиальной работе Полат Пудакович. И после короткой паузы, не желая выпускать из своих рук и второй конец дубинки, прибавил: – Если, конечно, вы, товарищи, не опоздали со своим решением...

Одним словом, было решено готовить Урагана к скачкам.

С этого дня жизнь его переменилась. Из рабочей конюшни его перевели в скаковую, выделили там отдельный денник. Ялкаб не отходил от него. Кормили и поили Урагана теперь по часам, да не абы чем, а отборным зерном и душистым сеном, о котором прежде он мог только мечтать. Не доверяя конюхам, Ялкаб сам выгуливал коня, а по утрам скакал с ним галопы.

Новая жизнь нравилась Урагану. Когда его ставили рядом с другими скакунами, он стрелой устремлялся вперед, не чувствуя, как наездник натягивает удила. Все больше лошадиников приходило утрами на ипподром специально, чтобы взглянуть на него. Молва об Урагане становилась все громче. И он, словно догадываясь, чего ждут от него люди, день ото дня прибавлял резвости.

Иногда Ялкаб выводил Урагана в падок, куда Полат Пудакович приводил двух-трех почетных гостей ипподрома.

– Настоящую жемчужину всегда заметят, – многозначительно говорил он. И прибавлял: – Я велел готовить его к скачкам.

Однажды его навестил даже вечно занятый Селим-ага с внуком. При виде старых друзей Ураган приветственно заржал.

– Ураган! – радостно крикнул Вели. – Дедушка, ты только посмотри. Какой красавец! Нашего Урагана теперь не узнать! Верно, деда?!

Селима-ага было не узнать. Вечно хмурый, сегодня он улыбался. Он придирчиво осмотрел Урагана, а потом сказал, обращаясь к коню:

– Да, Ураган, ты настоящий скакун! Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Надо же, жили рядом, а понять друг друга не смогли. Не разглядел, ты уж прости меня, Ураган. Ты нас уже, поди, забыл. А вот мы по тебе скучаем. Смотрим, когда ты скажешь. Скоро чемпионом станешь, в далекие края будешь ездить, призы привозить. Мы с Вели очень в тебя верим. А ты уж меня не опозорь. Ведь, если что случится, сразу скажут, мол, конь Селима-сейиса...

Наступила осень.

На ипподроме начались соревнования.

Ураган, который всю жизнь ждал этих скачек, очень нервничал, вставал на дыбы, не слушал Ялкаба. «Или они не понимают, что я им говорю, или истина в конец обесценилась!» — недовольно бурчал врач-ветеринар, наблюдая за происходящим. Он был осторожным, несмелым человеком, но незадолго до начала заезда все же подошел к Ялкабу.

— Не нравится мне Ураган, сказал он. — Состояние его ухудшилось.

— Да перестаньте вы, — отмахнулся жокей. — Вас по-слушать, так на всем белом свете не найти ни одной здоровой лошади.

— Чем это тебе его состояние не понравилось? — усмехаясь, спросил Полат Пудакович, который оказался свидетелем этого разговора и был очень обеспокоен тем, что из-за зануды-врача конюшня может упустить свой шанс. — Ты взгляни, как он ногами перебирает от нетерпения. Нельзя же в конце-концов быть таким перестраховщиком!

Ударили в колокол.

Ураган взял с места в карьер и легко повел скачку. Он оторвался на несколько корпусов, но через некоторое время расстояние между ним и остальными стало все же понемногу сокращаться. Уже слышалось шумное, разгоряченное дыхание преследователей и частый, четкий топот их копыт. Ялкаб сидел низко пригнувшись, почти припав к холке Урагана, чтобы лучше слышать его дыхание. Грива хлестала его по лицу.

Половину дистанции они все же прошли первыми. Вскоре за поворотом остальная скачка стала увеличивать темп, а вот с Ураганом что-то случилось. Его ход то ли от усталости, то ли еще по какой причине потерял свой четкий ритм. Дорожка приобрела сначала какой-то странный желтоватый оттенок, а потом ее и вовсе окутал туман. Серый жеребец, который до поворота уступал Урагану не менее двух саженей, сравнялся с ним. А совсем близко раздавался топот копыт еще одного преследователя. Ураган попытался сохранить свое лидерство, но это ему не удалось. Сначала они втроем шли вровень, но потом Ураган уступил им пол корпуса. Он скакал изо всех сил, с губ

его срывались хлопья пены, он хотел прибавить, но в глазах у него потемнело и среди мрака, окружавшего его, Ураган видел только два желтых пятна. Это уходили вперед те, что недавно преследовали его. Кровь Урагана клокотала, и Ялкаб, стиснув от досады зубы, был вынужден свернуть с круга.

Только они сошли с дорожки, как Ураган зашатался и, точно споткнувшись, рухнул на землю. Ялкаб успел освободить ногу из стремени, и отлетел вбок. Ураган и его наездник лежали в пыли, а заезд шел своим ходом.

Ураган напрягался, пытаясь подняться, но сколько не силился – это ему не удавалось. Его длинные сильные ноги, потеряв под собой опору, беспомощно сучили по воздуху. Вытянув шею он смотрел вслед остальным скакунам, которые уже приближались к финишному столбу. Некоторое время спустя он все же смог подняться и, шатаясь, стоял на дрожащих от слабости ногах.

Пять-шесть человек, перемахнув через ограду, отделявшую зрителей от скакового поля, бежали к месту происшествия. Полат Пудакович, бежавший впереди всех, размахивал руками и ругался: – Всех разгоню к чертовой матери! Слишком умные стали! Я же говорил... Нет, рекордов ему захотелось. А врач куда смотрит?! Оба работы лишитесь. Чтоб глаза мои тебя больше не видели, – крикнул он Ялкабу, который виновато воротил голову, боясь встретиться с директором взглядом, и старательно отряхивал картузом пыль с колен.

Селим-ага и Вели тоже были там.

– Вот скотина проклятая! Чужало сердце, что он меня опозорит. То же мне – скакун... Свое место знать надо! Ну, ничего, ты от меня еще получишь! – говорил он, и лицо его от гнева потемнело еще больше, чем обычно.

Только маленький Вели рыдал, глядя Урагану гриву. Никто не замечал слез мальчика, никто не велел ему перестать. А Ураган смотрел на него своими большими, умными глазами и, казалось, сам вот-вот тоже расплачется.

Потом Селим-ага посадил внука на Урагана и, успокаивая самого себя, сказал:

– Ладно, поедem отсюда... Некогда нам эти скандалы слушать. У каждого свое место. Лучше сена жеребятam привезем.

Вели, у которого еще слезы не просохли, счастливо улыбнулся. Все кончилось самым лучшим образом: он сидит верхом на Урагане, а завтра, может, дедушка снова позволит им на заре поскакать по степи...

Неторопливым шагом старик, мальчик и лошадь шли через поле к рабочей конюшне. А те люди, что столпились вокруг Ялкаба, и, перебивая друг друга, выясняли, чей вины больше, даже не заметили их ухода.

Тем временем дали старт новому заезду, и кони рванулись вперед, разыгрывая большой приз.

Осман ОДЕ. Некаýalar